

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Когда тексты различных списков установлены, следует приступить к выяснению взаимоотношения их. Эти взаимоотношения под влиянием потребностей публикации часто устанавливались по формальным признакам, далеким от их реальных, исторических взаимозависимостей. Тексты могли делиться и группироваться на “исправные” и “неисправные”, “полные” и “неполные”, содержащие те или иные искажения и не содержащие их. Затем для издания выбирался список наиболее “исправный” или наиболее “полный” и т.д.

В настоящее время признается необходимым предварительно изучить историю текста произведения. История текста изучается независимо от задач последующей публикации. История текста может быть использована не только для публикации: для литературоведческого анализа, для источниковедческого анализа у историков, для реконструкции творческого процесса и т.п.

История текста устанавливается на основании прямых и косвенных данных. Прямые данные, позволяющие разобраться в последовательности текста, — даты на рукописях, подписи,

другие указания авторов и переписчиков на самих рукописях, указания в письмах, дневниках, мемуарах. Если изучается история печатных текстов — указания выходных данных изданий, даты цензурных разрешений, документы издательские, типографские, цензурные, редакционные и т.д. Всеми этими данными широко пользуются текстологи, изучающие тексты нового времени. Использование этих данных не требует, по-видимому, построения особой теории. Важно уметь разыскивать эти данные, но вопросами техники такого рода разысканий занимаются археография, теория библиографии и другие литературоведческие и исторические дисциплины.

Гораздо сложнее установить историю текста при отсутствии такого рода сведений — по косвенным данным: на основе анализа разночтений, ошибок, изучения сознательных изменений текста, изучения самих рукописей, установления конъектур, определения вставок или пропусков, глосс и интерполяций, копии и оригинала, подражания и образца, установления источников перевода и пр.

Естественно, что изучение истории текста на основании косвенных данных наиболее развито в той области, где прямые данные редкость: в текстологии, занимающейся изучением древних текстов. Поэтому в первую очередь будем в дальнейшем основываться на опыте изучения древней литературы. Однако опыт этот может быть поле-

зен и в изучении новых текстов. Прямые данные по истории текста не исключают необходимости использовать косвенные данные. Последние необходимы не только для проверки прямых данных (последние могут быть ошибочными), но и для *уточнения* истории текста, *восстанавливаемой* на основе прямых данных, для различного рода *детализации* этой истории, для объяснения истории текста и ее *конкретизации*. Текстологи, занимающиеся изучением новых текстов, сделали очень многое в методике использования косвенных данных для восстановления истории текста. Эти методические приемы будут нами в дальнейшем также приняты во внимание, насколько это позволяет объем работы.

АНАЛИЗ РАЗНОЧТЕНИЙ

Цель анализа разночтений, как и всех остальных изысканий текстолога, – установление истории текста. Анализ разночтений не может поэтому ограничиваться задачами восстановления “правильных” или “первоначальных” текстов, текстов “последних” – якобы скрепленных авторской волей и пр. Для текстолога важно восстановить и все промежуточные этапы истории текста, выяснить их происхождение, намерения их создателей.

Разночтения каждого этапа истории текста связаны между собой личностью их творца. В них

сказывается его индивидуальная манера работы, его психофизиологические особенности, его литературные вкусы и его идеология. Следовательно, разночтения должны сопоставляться и объясняться в этих сопоставлениях. Они должны изучаться послойно.

Анализ разночтений начинается обычно с изучения отдельных разночтений, продолжается исследованием и характеристикой всех разночтений данного списка, переходит затем к суммарным, обобщающим рассмотрением разночтений всех списков для установления их взаимоотношения и происхождения. Разночтения распределяются исторически по этапам развития текста (когда это возможно). Проверка данных, полученных на основании рассмотрения разночтений, производится в связи с изучением рукописей (см. ниже, стр. 60), в связи с изучением состава произведений и в связи с изучением включающих изучаемое произведение памятников (сборников, журналов, собраний, сводов произведений и пр.), произведений, повлиявших и испытавших влияние изучаемого памятника, биографических, исторических и историко-литературных данных (см. ниже, стр. 102–103).

Разночтения возникают или в результате ошибок автора, переписчика, наборщика, корректора, редактора или в результате изменений текста, которым они же подвергают текст. Ошибки бессознательны; изменения текста дела-

ются сознательно. В этом их различие, которое прежде всего должно быть установлено текстологом. Это различие имеет и чисто практическое значение, так как бессознательные ошибки не принадлежат тексту (см. выше определение того, что такое текст, стр. 14) и должны быть при издании из текста устранены (см. ниже, стр. 119). В сумме они могут дать важные указания для классификации текста, но редко – больше.

Сознательные изменения текста, объясненные, сопоставленные между собой и определенные в своей последовательности, указывают по преимуществу на этапы в истории текста, на его редакции и виды. В целом они составляют творческую историю текста.

Во всех случаях деления разночтений по происхождению на ошибки и на изменения текста следует исходить из следующего правила: бессознательным изменением текста признается только тогда, когда исчерпаны все возможности объяснить изменение в тексте сознательными, целенаправленными намерениями автора, редактора или переписчика. Ошибкой изменение текста признается только тогда, когда нет никаких веских оснований признать это изменение намеренной правкой одного из творцов текста. В этом смысле мы можем говорить о примате для текстолога сознательных изменений перед бессознательными.

Если перед нами бессознательная ошибка, то и ее следует объяснить – выяснить ее происхож-

дение. Установление происхождения ошибки дает важные показания для истории текста. При этом надо стремиться дать характеристику всей суммы ошибок в их целом: каждому писцу, редактору, корректору, автору свойственны те или иные типы ошибок (находящиеся в связи с психофизиологическими особенностями переписчика, редактора, корректора, автора и т.п.). Объяснения берутся из всех областей. Эти объяснения могут быть историческими, литературоведческими, психологическими, физиологическими, палеографическими, языковедческими, они могут быть даны с привлечением сведений по технике письма, книгопечатания и т.д. В текстологии имеет первостепенное значение широта комбинационного поля творческого воображения текстолога: чем шире привлекаются данные из различных сфер науки, тем убедительнее объяснения. При этом важны не столько отдельные факты объяснения изменений текста, сколько их сочетания, обнаружение известной систематичности изменений, их послойный анализ и послойная синтетическая характеристика.

Специфические ошибки могут быть у автора, у переписчика, наборщика, корректора.

Каждая ошибка или каждое изменение текста должно быть объяснено. Нет текстологического факта вне его объяснения.

ОШИБКИ ПЕРЕПИСКИ ОТ РУКИ

Прежде всего следует остановиться на ошибках переписчика: бессознательные ошибки переписчика в известной мере типичны для других “творцов текста”.

Понятие переписчика в какой-то мере условно. Им в известные моменты может быть и сам автор, набело переписывающий свою рукопись, машинистка (на специфических ошибках машинописной переписки мы, впрочем, остановимся особо), наборщик и пр.

Процесс переписки складывается из четырех последовательных действий: 1) прочтения переписываемого текста переписчиком, 2) запоминания переписываемого отрывка, 3) внутреннего диктанта и 4) самого письма.

Каждому из этих действий переписчика соответствуют свои типы ошибок.

Следует иметь в виду, что происхождение ошибок переписки может быть часто сложным: некоторые возникают не в результате однократной переписки текста, а являются плодом ряда наслоений при неоднократной переписке текста. В самом деле, опiski, пропуски, повторения в последующей переписке могут быть затем правильно и неправильно осмыслены. Этим крайне осложняется изучение истории текста.

Главное затруднение для текстолога при изучении работы переписчика – “текстологические” наклонности последнего.

Ошибки прочтения. Переписчик может быть плохо знаком с характером почерка оригинала, может не разобрать вышедшие из употребления буквы. Ошибка переписчика может быть вызвана внешним сходством букв, которые в слове меняют смысл. Хорошо грамотный читатель обычно читает не по буквам, а схватывая сразу общий "рисунок" слова. При этом наиболее важные буквы для такого узнавания "рисунка" слова — начальные и конечные, буквы, рисунок которых выступает за строку. Большое значение имеет и размер слова. Поэтому ошибки прочтения чаще всего располагаются внутри слова (поминать — понимать, запутан — запуган, исключение — излечение). В длинных словах ошибки прочтения чаще, чем в коротких. Особенно часты неверные прочтения форм слова — их суффиксов, окончаний и пр. (ошибаетесь — ошибетесь, прочитать — прочитывать). Как правило, переписчик принимает трудное, малознакомое, редкое, устарелое слово за легкое, знакомое, часто употребляющееся, новое. Поэтому, восстанавливая правильное чтение, текстолог обычно идет от легкого чтения к трудному, от знакомого для писца к малознакомому ему или незнакомому, от обычного к необычному.

В старых почерках (от XI и до XVIII в. включительно) переписчик может пропустить или неправильно прочесть выносную букву

(в выносных слогах часто пропускаются “ъ” и “и”), неточно прочесть слово под титлом. Часто переписчик неправильно делит текст на слова.

В новых почерках специфические трудности прочтения гораздо обильнее, чем в старых почерках. Рассматривая вопрос о трудности прочтения почерков, не вдаваясь в частности, следует отметить, что почерки тем труднее для прочтения, чем они ближе к нашему времени. Наиболее трудный и малоразборчивый почерк – современная скоропись.

Ошибаясь, переписчик “считается” с контекстом. Именно возможности контекста провоцируют ошибку, “подсказывают” привычное словосочетание, знакомое слово.

Типичная ошибка чтения – “прыжок от сходного к сходному”. В результате пропуск слова или ряда слов и даже строк (гаплография), находящихся между одинаковыми или очень сходными словами. Реже встречается повторение слов или одного и того же куска текста (диттография). Повторения встречаются менее часто, так как их легче заметить в собственном тексте писцу. Кроме того, повторения, в отличие от пропусков, легко устранимы в последующей переписке.

Ошибки прочтения часто связаны с состоянием оригинала (переписчик может вставку на полях внести не в нужное место, может замеча-

ние автора, редактора или корректора вписать в текст, вставить в текст пояснение неясного места, написанное кем-либо из читателей, перепутать страницу, переписать страницу в перевернутом виде (сперва оборот страницы, а затем лицевую сторону) и т.д. (см. ниже, стр. 70–72).

Ошибки запоминания. Характер запоминания прочитанного текста будет различный в зависимости от того, прочитывает ли писец длинный текст прежде, чем начать его писать, или он запоминает его короткими отрывками. Ошибки запоминания чаще всего встречаются у тех переписчиков, которые предпочитают запоминать большие куски текста и не обладают достаточно хорошей памятью. Переписчик очень часто меняет формы глаголов (приблизился – приближался; сказал – сказав). При запоминании текста писец может пропустить второстепенное, сделать перестановки слов, добавить, переставить или опустить союзы (особенно союз “и”), вспомогательные глаголы, местоимения (особенно местоимение “я”), сделать синонимические подмены, модернизировать старый текст и т.п. Разумеется, все эти действия могут быть и сознательными, вызванными стилистическими или какими-либо другими соображениями – в таком случае они должны образовывать систему.

К ошибкам запоминания следует отнести и добавление трафаретных стилистических формул, твердых сочетаний. По большей части эти добавления вызываются наличием в переписываемом тексте каких-либо слов-компонентов этих твердых словосочетаний и трафаретных стилистических формул. Очень часто твердые словосочетания “доводятся” переписчиком до своей полной формы (“несколько лет тому назад” вм. “несколько лет назад”). Иногда оборот мало привычный заменяется сходным – привычным.

Бывают списки произведений, в которых текст воспроизведен от начала и до конца по памяти (особенно часто при записи стихов). В этих случаях ошибки запоминания особенно обильны.

Ошибки внутреннего диктанта. Переписывая, писец внутренне произносит то, что он пишет. Этим путем произношение писца проникает в переписываемый текст. Отсюда глухие вместо звонких согласных в конце слов, ассимиляция и диссимиляция звуков, модернизация написания, проникновение в текст диалектных форм и пр. Ассимиляции и диссимиляции разделяются на прогрессивные и регрессивные. Прогрессивные ассимиляции и диссимиляции – это уподобление или различение буквы от стоящей в следующем слоге (“побобие” вм. “подобие”). Регрессивные

ассимиляции и диссимиляции — это уподобление или различение буквы от буквы, стоящей в предшествующем слоге или слове (“разручает” вм. “разлучает”).

В тех редких случаях, когда писец пишет под диктовку, ошибки внутреннего диктанта совпадают с ошибками внешнего диктанта: с ошибками прочтения и ошибками слуха. О последних можно заметить: нужно слышать, чтобы понимать, и понимать, чтобы слышать.

Ошибки письма в целом (если не считать возрастных явлений в письме престарелого писца или патологических отклонений) встречаются реже, чем ошибки двух предшествующих категорий. К ошибкам письма относятся: перестановка слогов и букв, путаница в одинаковых буквах, пропуск букв и слогов, повторение букв и слогов (ср. сходное в ошибках внутреннего диктанта, где эти пропуски, перестановки и повторения обычно объединяют большее количество букв, захватывая целые слова и сочетания слов), орфографические упрощения и пр. Типичная ошибка письма — слияние слогов и пропуск слогов в результате соединения двух соседних одинаковых слогов или букв (“зане огражен” вм. “зане не огражен”; “стрежаще е гоголем” вм. “стрежаше его гоголем”).

Переосмысления находятся на грани бессознательных ошибок и сознательных изменений текста. Они вызваны по большей части невольным стремлением писца осмыслить непонятные для него места текста (например, “на стогнах” – “на стенах”; “написан лазорем” – “написан Лазарем”). Возникают они по большей части на первой стадии переписки – при прочтении текста оригинала. Это наиболее коварный тип ошибок и наиболее частый. Он коварен потому, что текстологу трудно заметить эти ошибки, а заметив их, текстолог не всегда точно может определить – произошло ли это осмысление или переосмысление текста в результате сознательного стремления изменить текст, сделать его более понятным или это невольная ошибка. Только сравнение разных списков позволяет заметить ошибку переосмысления или осмысления и выяснить ее происхождение. И здесь следует иметь в виду, что писец, как правило, стремится от трудного к легкому, от непривычного к привычному, от незнакомого к знакомому. Как правило (но нет правил без исключений), первоначальным чтением будет трудное, незнакомое и непривычное писцу, архаичное, хотя иногда переписчик нарочито архаизирует текст: тогда архаизация встречается во многих местах текста и составляет систему.

Осмысления непонятного для переписчика текста или ошибок оригинала очень запутыва-

ют изучение истории текста в тех случаях, когда текстолог классифицирует дошедшие списки по их ошибкам. Дело в том, что, осмысляя испорченный текст (а осмысления текста, как мы уже сказали, возникают часто на местах механических ошибок в оригинале, с которого переписывает писец), писец очень часто исправляет верно — так, как было в первоначальном тексте. Такое вновь возникшее верное чтение крайне осложняет работу текстолога по установлению генеалогии списков (см. ниже). Особенно запутывается генеалогия списков, сделанная на основании “общих ошибок” (см. ниже, стр. 74), если таких верных и удачных исправлений писца в тексте несколько. Грамотный и сообразительный писец становится, таким образом, врагом текстолога.

Не лучше обстоит дело и тогда, когда писец, исправляющий текст, делает это плохо. Плохое исправление текста ведет к дальнейшим его исправлениям. Ошибка наслаивается на ошибку и затрудняет изучение ее происхождения.

По осмыслениям текста можно составить себе иногда довольно точное представление об осведомленности писца в тех или иных явлениях действительности, о его исторических представлениях, о круге его начитанности и т.п. В ошибках осмысления текстолог (как и в других случаях) должен видеть за текстом списка его переписчика. С точки зрения текстолога,

хороший писец тот, который точно и “бессмысленно” копирует оригинал со всеми его ошибками.

Нет списка без ошибок. Ошибок может быть больше или меньше. Среди ошибок могут преобладать ошибки то одного, то другого типа. Один писец по преимуществу пропускает, когда запоминает текст, другой плохо читает. Есть писцы, делающие специфические диалектные ошибки при самодиктанте. Есть писцы трудолюбивые, ленивые, легко устающие, точные и “творческие”. Одни любят графическую сложность, другие – простоту. Есть писцы, однообразно повторяющие одну и ту же ошибку. По своему отношению к тексту писцы также разнообразны, как и в своем почерке. Текстологу очень важно изучить систему ошибок того или иного списка и увидеть за этой системой индивидуальность писца, различив то, что принадлежит последнему писцу, от того, что перешло в список от его предшественников.

Увидеть за рукописью ее создателей, в том числе и простых переписчиков, – значит понять ее текст.

Текст не существует сам по себе. Его история есть история его созидания и изменения людьми.

ОШИБКИ ПЕРЕПИСКИ НА МАШИНКЕ

При переписке на машинке происходят все те ошибки, что и при переписке от руки, но на последней стадии психофизического процесса переписки встречаются ошибки специфические. Специфические ошибки переписки на машинке возникают от расположения клавиш — рука может ударить не по той клавише, попасть на соседнюю (чаще всего в середине клавиатуры). Весьма часты при быстром переписывании на машинке перемены соседних букв местами, уход конечных букв строки за пределы листа и пр. Иногда в машинке не хватает некоторых букв и знаков, и переписывающий забывает потом поставить их от руки (например, отсутствует вопросительный знак; в машинках, “исправленных” на новую орфографию в первые годы введения новой орфографии, отсутствовал твердый знак и пр.). Особенно часты на машинке осмысления и переосмысления текста вследствие воздействия подсознания (машинистка пишет “духи” вм. “души”, “оплата” вм. “отплата” и пр.).

Процесс переписки на машинке более быстрый, чем при письме, поэтому и ошибок здесь больше.

ОШИБКИ НАБОРА

При наборе встречаются все ошибки прочтения, запоминания и внутреннего диктанта, что и при переписке. Иной характер носит последняя категория ошибок – ошибки воспроизведения текста: ошибки набора отличаются от ошибок письма. Ошибки набора связаны с техникой набора. Набор может быть ручным и машинным. В ручном наборе многие ошибки происходят из-за особенностей расположения букв (свинцовых литер) в наборной кассе. Рука наборщика, тянувшаяся за буквой, может попасть в соседнее отделение кассы и вынуть и вставить в верстатку не ту букву, которую нужно, а близкую к ней по расположению в наборной кассе. Наборная касса может быть засорена “чужими” буквами (после того как книга напечатана, ручной набор ее разбирается по буквам и раскладывается по отделениям наборной кассы, при этом внешне сходные буквы¹ или соседние по отделениям в кассе могут попасть не в свое отделение). В линотипном наборе при переливке строки во время правки корректуры линотипист может сделать новую ошибку во вновь отлитой строке. При исправлении ручного набора наборщик может исправить

¹ Следует иметь в виду, что в наборном тексте внешне похожие буквы другие, чем в письме (например, буквы “ш” и “т” схожи в рукописи, но не схожи в типографских шрифтах и т.п.).

соседнее слово, сходное с тем, которое указано в корректуре. Исправляя набор, линотипист может перелить другую строку, вставить вновь отлитую строку не на место (особенно опасно, если при такого рода ошибках получается видимость смысла).

В ручном наборе часто осыпаются края наборной полосы и особенно углы. Восстанавливая пострадавший набор, наборщик может неправильно набрать текст. Легко могут остаться незамеченными перемены осыпавшихся конечных букв или знаков в соседних строках.

Проникшие в печатный текст ошибки особенно опасны потому, что печатный текст обладает для читателя некоей "авторитетностью".

ОШИБКИ КОРРЕКТУРЫ

Чаще всего ошибки корректуры происходят потому, что авторы или корректор в отдельных случаях для быстроты не считывают набор с оригиналом, а читают "по смыслу" или считывают невнимательно. Поэтому в корректуру обильно проникают ошибки осмысления непонятого корректором текста, модернизация орфографии и языка, подведение текста под современные или привычные корректору нормы. Страдает текст и от внутреннего стремления вычитчика рукописи и корректора устранить в тексте разноречивые написания ("собою" и "собой", "зал" и "зала" и пр.).

Корректор и технический редактор часто меняют в тексте абзацы под влиянием технической необходимости сжать или расширить набор. При этом очень часто, чтобы “выгнать” (прибавить) новую строку или “вогнать” (убрать) лишнюю, в тексте прибавляются или убираются отдельные слова и целые фразы, которые кажутся корректору или техническому редактору не имеющими особого значения.

Но наиболее часты ошибки при новом наборе вставок или исправлениях плохо набранных мест. В этих случаях автор и корректор делят вину с наборщиком: автор и корректор неясно исправили, а наборщик неправильно набрал. Корректорские вставки и исправления набираются, как правило, гораздо хуже, чем основной текст. Одинаковые корректурные значки на одной и той же странице могут привести к ложным исправлениям не в том слове. Источником ошибок могут быть неряшливые перечеркивания, надписывания, вставки на полях, подклейки и пр.

Чтобы определять происхождение ошибок в печатном тексте, текстолог должен быть хорошо знаком с техникой набора (ручного и машинного), техникой корректуры и знать в основном весь технологический процесс создания печатного текста.

ОШИБКИ АВТОРСКОГО ТЕКСТА

Автор может сделать все те ошибки, которые делает и переписчик, если он переписывает собственный текст. Если автор хорошо знает свой текст, он может в переписанном другими оригинале легко пропустить собственную ошибку, ошибку корректора или ошибку набора, приняв ошибочное чтение за нормальное. Автор может санкционировать ошибку, подписав плохо правленный оригинал или плохо правленную корректуру к печати.

В собственном тексте автор может неправильно датировать то или иное историческое событие, неправильно назвать то или иное историческое или литературное лицо, неточно выдержать диалектные формы в речи действующего лица и пр., но эти ошибки автора в художественном произведении, если они связаны с художественной тканью произведения, не должны быть исправляемы. Таких ошибок, особенно в исторической и научно-фантастической беллетристике может быть бесконечно много, и на этих ошибках может даже строиться сюжет (сколько пришлось бы внести исправлений в роман Жюль Верна "Из пушки на луну и обратно" с точки зрения современной космонавтики!).

Многие ошибки, безусловно подлежащие исправлению, если бы они принадлежали перепис-

чику или наборщику, не должны, однако, исправляться, если они принадлежат автору.

Категория авторских ошибок иная, чем категория ошибок переписчика, корректора, редактора или наборщика. Она уже по своему объему: степень нашего доверия к сознательности авторского творчества значительно больше, чем степень доверия к сознательности редактора, переписчика, наборщика и пр. Автору текстолог “прощает” многое, что не простил бы другим.

Вопрос об авторских ошибках, отличиях в их оценке от аналогичных ошибок, сделанных в тексте не авторами, о допустимости их исправления, к сожалению, в текстологической литературе пока внимательно не изучался.

СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ТЕКСТА

Изменения сознательные гораздо показательнее для истории текста произведения, чем бессознательные ошибки или полусознательные ошибки осмысления. Прежде всего они разнообразнее, “индивидуальнее” и не могут поэтому механически повторяться различными людьми или исправляться в последующих этапах развития текста. Они более устойчивы. Затем, они тесно связаны с психологией, идеологией, особенностями умственного развития, эстетическими убеждениями их творцов и через последних со своей эпохой. Сознательная правка текста

совершается в большинстве случаев на "ответственных" этапах развития текста: она по преимуществу свидетельствует о существовании редакции.

Анализ сознательных изменений текста основывается главным образом на попытке текстолога конкретно "вообразить" работу автора, переделывателя текста – редактора или переписчика. Устанавливая первичность того или иного чтения, текстолог должен объяснить, при каких обстоятельствах и кем, исходя из каких побуждений был изменен текст. Отдельные изменения текста на том или ином этапе его развития должны быть приведены в связь между собой, и эта связь опять-таки должна быть объяснена личностью, обстоятельствами и намерениями творца данного этапа развития текста.

Сознательные изменения текста очень индивидуальны, и они не могут быть классифицированы так, как мы классифицировали выше ошибки. Тем не менее могут быть выделены несколько правил, облегчающих установление хронологической последовательности отдельных разночтений. При применении этих правил необходимо рекомендовать максимальную осторожность. Наиболее опасны ошибки гиперкритики. Ошибки гиперкритики, присущие многим текстологам, особенно начинающим, выражаются в чрезмерном преувеличении значения отдельных правил, в их механическом применении или в обнаруже-

нии нарушений правил там, где эти нарушения фактически отсутствуют.

Правила, облегчающие установление хронологической последовательности отдельных различий, следующие.

1. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее трудное чтение (*lectio difficilior*) обычно бывает более старшим, чем чтение более легкое (*lectio faciliior*). Переписчики, наборщики, редакторы, как правило, “облегчают” текст, делают понятным непонятное для себя, модернизируют текст. Однако следует иметь в виду, что то чтение, которое кажется наиболее “легким” для нас, было не всегда самым легким для старых создателей текста. Кроме того, в силу общих соображений автор, редактор, переписчик и пр. могли сознательно усложнять текст. Усложнение текста могло применяться как стилистический прием, в целях “уточнения” текста, для сокрытия его смысла от цензуры или “начальства” (как правило, отличавшегося меньшей интеллигентностью, чем обычные читатели) и пр. В случае применения усложнения текста как приема — это усложнение составляет систему, более или менее выдержанную.

2. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым бывает то чтение, в котором обнаруживается идейное, стилистическое или языковое несоответствие с остальным текстом. Это правило также не без исключений. Не обяза-

тельно думать, что автор или редактор текста не могли допустить несоответствий всему остальному своему тексту. В этом отношении могут быть выделены несоответствия более показательные и менее показательные.

3. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым признается то чтение, в котором обнаруживается несоответствие эпохе. Например, если в тексте обнаруживается знание фактов, которых не могло быть во времена создания данного текста. В этих случаях следует опасаться приписать эпохе то, что вовсе не является ее особенностью. Так, например, многие исследователи древнерусских памятников исходили из своих неправильных представлений о низком уровне культуры древней Руси, ее знаний, развития в ней грамотности.

4. Из нескольких чтений одного и того же места наиболее новым признается то, в котором имеется фактическая ошибка. Правило это исходит из предположения, что автор создавал свой текст с бóльшим вниманием к фактической стороне своего произведения, чем редакторы текста при последующей его правке. На этом основании многие текстологи отказывались считать первоначальным текст, где имелись ошибки против Библии или против истории, против географии и пр. Разумеется, здесь также могут быть исключения, и за фактическую ошибку следует признавать только ошибку *против знаний своей эпохи*.

Фактические ошибки только тогда не могут принадлежать автору произведения, когда они находятся во внутреннем противоречии с идеями, духом произведения, знаниями автора, его представлениями и т.д.

Приведенные правила ясно показывают, что решающее значение в расслоении изменений текста по этапам имеет соответствие данного изменения всему тексту произведения, идеям, психологии и художественным приемам автора на том или ином этапе его развития, возможностям эпохи и пр.

5. Из всего вышесказанного вытекает и другой прием установления истории текста: обнаружение в тексте несоответствий *последнему* тексту. Эти несоответствия могут быть признаками существования более старого слоя. В авторском тексте об отмененном авторском замысле могут свидетельствовать случайно оставшиеся детали этого замысла, имевшие смысл только в нем, отдельные элементы отмененного стиля, грамматические несообразности, объясняемые тем, что старый текст не был полностью изменен, и пр.

Правильность анализа отдельного разночтения проверяется соответствием его выводов выводу анализа других разночтений того же слоя. Общие выводы анализа разночтений должны по возможности найти аналогии в других внешних и внутренних тексту данных.

Чем конкретнее и “нагляднее” выводы исследователя, чем меньше возможности построить на тех же данных другие выводы с тою же степенью конкретности, тем более убедительны результаты текстологического исследования.

Научное воображение – точное, детализированное, “реалистическое” – играет в текстологическом исследовании первостепенную роль.

НАБЛЮДЕНИЯ НАД РУКОПИСЯМИ

Стремясь исследовать историю текста произведения, необходимо прежде всего изучить самые рукописи, если они дошли, и их историю.

Состояние рукописи, внесенные в нее дополнения и исправления, отдельные утраты, позднейшие записи, даже загрязненность отдельных листов могут дать важный материал об обстоятельствах ее написания, последующей судьбе и истории ее текста.

Если в рукописи имеются поправки – необходимо узнать, кому они принадлежат и в связи с чем они сделаны. Это могут быть авторские поправки на своей рукописи (в таком случае они могут свидетельствовать о продолжении творческого процесса или об исправлениях под давлением внешних обстоятельств). Затем, это могут быть авторские поправки на писарской копии (в таком случае они также могут быть и творческими и нетворческими исправлениями предше-

ствующего авторского текста, равно как и простыми исправлениями ошибок списка). Кроме того, это могут быть исправления, внесенные тем же писцом, который переписывал основной текст (в таком случае перед нами либо поправки небрежно переписанного текста, сделанные по той же рукописи, или по другой – более точной, по мнению писца, либо его же редакторские исправления). Наконец, это могут быть исправления другим почерком (выправка ошибок, редакторские улучшения и пр.).

Изучение почерков и цвета чернил здесь может привести к весьма важным выводам (например, если почерк основного текста и исправлений одинаковы, но чернила разные – это будет указывать, что исправления делались хоть и одним лицом, но не сразу).

Изучение бумаги рукописей с проверкой всех имеющихся на ней водяных знаков (филиграней) по соответствующим справочникам позволяет датировать недатированные рукописи, устанавливать перерывы и дополнения в сложных по составу рукописях.

Загрязненность отдельных страниц может указывать, что на этой странице одно время начиналась или заканчивалась рукопись, находившаяся в длительном пользовании у читателей, и пр.

Если листы в рукописи перепутаны, важно бывает установить, когда это произошло. Некоторые данные для этого могут быть установлены

из изучения времени изготовления переплета (путаница листов чаще всего происходит при переплетании).

Важный материал по истории рукописи и ее текста могут дать различные имеющиеся в ней приписки, отметки и пагинация (разные слои последней могут указать на существование части рукописи в самостоятельном виде или на то, что рукопись входила одно время в состав другой — более крупной). Данные о владельцах рукописи могут иногда уточнить судьбу ее текста (некоторые владельцы разъединяли рукописи, чтобы увеличить количество номеров своей коллекции; другие переплетали хранимые рукописи и дописывали недостающие части по изданиям или по другим рукописям своей коллекции — при этом важен бывает состав всей их коллекции; другие владельцы вносили исправления в самый текст и пр.). Кроме того, изучаются все данные, которые свидетельствуют о нахождении рукописи в том или ином собрании, у того или иного владельца. Эти данные помогают установить происхождение рукописи.

Время списка нельзя смешивать с временем представленного в нем текста. Текст не может быть моложе списка, но он очень часто бывает значительно его древнее. В более молодом списке текст может быть древнее, чем в списке более старом. Эта самоочевидная истина часто забывается текстологами, которые иногда стре-

мятся обосновывать бóльшую древность текста бóльшей древностью списка.

Изучать рукопись необходимо в тесной связи с ее текстом. Внешние особенности истории рукописи имеют значение только тогда, когда они в какой-то мере выявляют или объясняют историю ее текста.

Чем конкретнее и детальнее будет представлена исследователем история рукописи, тем убедительнее и доказательнее она окажется.

КОНЪЕКТУРЫ

Допустим, что в тексте ошибка или испорченное место и что этот текст с ошибкой или испорченным местом единственный (сохранилась только одна рукопись или все рукописи дают именно эту ошибку). Восстановить правильное чтение можно только по различным соображениям. Восстановление первоначального чтения и объяснение происхождения получившейся ошибки (в том случае, когда исправляется именно ошибка) должны сопровождать друг друга. Такое восстановление правильного чтения не по другим рукописям, а в связи с контекстом по общим соображениям называется конъектурой.

Объяснением ошибки может служить простое отнесение ее к одному из типов бессознательных ошибок, которые мы приводили выше

(стр. 41–55), но может потребоваться и более сложное объяснение.

Конъектурально можно не только восстановить правильное чтение из ошибочного, но и первоначальное из последующего редакторского изменения. Последнее, впрочем, сделать гораздо труднее, так как само доказательство того, что имеющееся в списке осмысленное чтение не могло быть чтением первоначальным, гораздо сложнее. Конъектуры, *исправляющие* текст, обычно значительно убедительнее конъектур, *улучшающих* текст.

Для того чтобы конъектура была наиболее убедительной, надо войти в психологию автора, переписчика, редактора, знать их язык и степень образованности, учитывать палеографические данные и пр. Всякая конъектура должна быть многосторонне оправдана. Надо показать, что она не противоречит истории языка, данным палеографии, не противоречит контексту, эпохе, авторской психологии и идеологии. Таковы, например, две конъектуры, предложенные к Мусин-Пушкинскому изданию "Слова о полку Игореве": "къмети" вместо "къ мети" и "мужа-имься сами" вместо "му жа имѣся сами". Обе конъектуры можно считать бесспорными: текст без конъектур непонятен, с конъектурами он вполне ясен, слова эти известны в XI–XII вв., палеографически конъектуры вполне оправданы (текст в рукописи "Слова" был без разделения

на слова; “Ъ” в полууставе сходно по написанию с “Ѣ”), доказано, что обоих слов не знал Мусин-Пушкин (аналогичное неправильное разделение связного текста на слова сделано Мусиным-Пушкиным в его издании “Поучения” Владимира Мономаха).

В целом конъектуральные исправления текста искусство, в котором осторожность более похвальна, чем смелость, успех же зависит по преимуществу от способности исследователя конкретно вообразить себе обстоятельства и отдельные детали истории текста.

Необходимо помнить, что конъектура — это не только способ восстановления “правильного” текста, но и один из способов восстановления его *истории*, что для текстолога иногда важнее.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВСТАВОК И ПРОПУСКОВ

Если в одних списках произведения имеются куски текста, отсутствующие в других списках того же произведения, — необходимо определить, вставлены ли эти куски в произведение (в одних списках) или исключены из него (в других списках).

И вставка и исключение могут повести к несоответствиям с остальным текстом, но несоответствия в обоих случаях будут различны. По этим несоответствиям в первую очередь и определяется — вставка ли перед нами, или пропуск.

Например, если предполагаемые исследователем вставки нескольких кусков текста сделаны из текста одного какого-либо произведения, то трудно допустить, чтобы аналогичная вставка из того же произведения была уже перед этим произведена раньше. Поэтому, если в изучаемом нами произведении в других его текстах, где эти вставки отсутствуют, все же имеются какие-то следы этих вставок, то естественно предположить, что перед нами в истории текста изучаемого произведения не вставка этих кусков (в одном ряду списков), а пропуск (в другом ряду списков). Действительно, произвести начисто исключение всех заимствований, не затронув остального текста и не оставив следов этих заимствований, крайне трудно. Для этого исключаящий должен хорошо знать текст произведения, вставки из которого он исключает, и иметь веские мотивы для такого рода работы (мотивы исключения всех вставок, сделанных по какому-либо одному произведению, обычно сложнее, чем мотивы вставок по тому же произведению).

Определить вставку или исключение всегда может помочь анализ нарушений, с которыми связаны по-разному то и другое. Эти нарушения могут быть связаны с логикой повествования, самого действия или хода рассуждений автора, с последовательностью стилистической, правильностью грамматической и т.д. Определить вставку всегда может помочь анализ этих нарушений и

демонстрация логической, стилистической и грамматической последовательности текста в экспериментальных реконструкциях текста без этих вставок или пропусков.

Выше мы исходили из предположения, что большая логичность повествования, большая стилистическая стройность и грамматическая правильность принадлежат первичному тексту. Имеются, впрочем, исключения. Так, например, в творческой истории авторского текста мы имеем дело с постепенным возрастанием логичности, стройности и художественной цельности, если только, конечно, автор продолжает творчески относиться к своему произведению. Иными словами, в истории текста произведения в руках у автора первичные тексты по большей части менее логичны, стройны и художественно цельны, чем последующие. Однако и автор, даже находясь в наивысшей “творческой форме”, может допустить отдельные, частные несоответствия, создать “швы”, производя вставку или исключение.

Иногда пропуск определяется потому, что в другом произведении имеется ссылка на пропущенное место. Ссылка на пропущенное место может сохраниться по недосмотру и в том же самом произведении — в других его частях.

Определяя вставку или пропуск, текстолог обязан по возможности дать ответ на вопросы: что сделано, кем, зачем и при каких обстоятель-

ствах. Как и во всех остальных случаях анализа отдельных мест текста, он должен установить связь данной вставки или пропуска с остальными изменениями текста на том же этапе его истории.

ГЛОССЫ И ИНТЕРПОЛЯЦИИ

Глоссами называются небольшие вставки, вводимые в рукопись (на полях, между строк, на подклеенных листках) переписчиками или читателями с целью разъяснения какого-либо места текста, поновления его смысла, раскрытия содержания, отсылок к другим памятникам, где о том же говорится иначе или подробнее, и т.п. Графически глоссы с текстом не сливаются. Иногда глоссы при переписке попадают в текст произведения. В последнем случае глосса становится интерполяцией. Интерполяцией называется вставка, сделанная из уже ранее написанного текста: из текста другого памятника, из приписок на полях и заметок, сделанных в других местах, и пр. Иногда глоссы и интерполяции возникают как реакция переписчиков и редакторов текста на его порчу: переписчик или редактор разъясняет место, оказавшееся непонятным из-за пропуска или ошибки их предшественников.

Глоссы и интерполяции – важные свидетельства по истории текста произведения. Иногда они позволяют датировать тот этап в истории текста,

к которому они относятся (если в глоссе или интерполяции имеется дата или косвенное указание на время, когда они сделаны). Они позволяют судить об интерпретации памятника. Часто они находятся в связи с различными изменениями текста, принадлежат тем же лицам, которые редактировали текст, и пр.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОПИИ

Если список представляет собой простую копию с сохранившегося оригинала – значение его для истории текста невелико. Повышается значение копии, если после снятия копии дошедший оригинал пострадал, затерялся, был уничтожен. Копия может помочь установить время изменений, внесенных в оригинал.

Для того чтобы установить, что тот или иной список является копией с другого сохранившегося списка, необходимо показать не только близость их по тексту между собой и различие во времени их составления (любая степень близости, даже очень большая, может перейти через промежуточные копии), но что случайные, чисто индивидуальные особенности копии объясняются случайными особенностями оригинала. Например, к ошибке в копии приводит случайное начертание той или иной буквы в оригинале; пропуск в копии вызывает утрата части рукописи оригинала, дефект рукописи оригинала; случайная

вставка в оригинале проникает в копию и т.д. Все эти отдельные случаи показательны только при их достаточно точном анализе, исключающем возможность другого объяснения. Менее показательна общность отдельных ошибок в копии и предполагаемом оригинале, так как механические ошибки могут возникать и самостоятельно или передаваться через промежуточные этапы истории текста. Показательна, тем не менее, совокупность общих ошибок. Если таких примеров несколько, они разнородны и не будет ни одного противоречащего факта, то можно думать, что перед нами копия с оригинала.

Следовательно, и в данном случае действует общее текстологическое правило: каждое отдельное наблюдение текстолога должно найти свое подтверждение во всей сумме его остальных наблюдений.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФОРМАТА ОРИГИНАЛА ИЛИ ПРОТОГРАФА

Некоторые особенности копии или списка могут быть объяснены форматом оригинала, форматом протографа. Например, многие случаи диттографии или гаплогграфии (см. выше, стр. 43) связаны с перескоком писца с одной строки на другую. Длина строки оригинала или протографа в таких случаях обычно кратна размеру пропуска или повторения текста в копии или списке. Сле-

довательно, формат оригинала или протографа может подсказать размер пропуска и объяснить пропуск и повторение. Имеет, кроме того, значение количество текста, уместающегося в оригинале или протографе на странице или листе, так как отдельные пропуски или перестановки могут объясняться тем, что оторвавшийся лист оригинала был утрачен или вставлен не на место или вставлен хотя и на место, но в перевернутом виде. Наружный нижний угол листа чаще всего загрязняется, и текст его стирается, поэтому определение положения его в оригинале или протографе также представляет существенную важность: если оригинал или протограф был весь загрязнен при переворачивании листов читателями, — дефекты копии или списков будут повторяться через правильные промежутки. Два пропуска в копии или списке могут объясняться тем, что лист оригинала или протографа имел дыру, повредившую текст на лицевой и оборотной сторонах листа: в таком случае расстояние между пропусками будет равно странице текста оригинала или протографа.

Вот почему определить формат оригинала и протографа, если он утрачен, во многих случаях представляется очень важным. Формат оригинала и протографа может быть определен, если пропуски и повторения в копии или списке неоднократны. Тогда, исходя из размеров повторений, если они в какой-то мере одинаковы или кратны

определенной величине, можно определить формат утраченного оригинала или протографа и, соответственно, размеры пропусков в копии или списке. Гипотеза о формате должна быть по возможности обоснована многими фактами и разносторонне.

Можно подумать, что в определении формата оригинала создается порочный круг: формат утраченного оригинала определяется по особенностям копии, но сами эти особенности копии объясняются особенностями утраченного оригинала. Такое же положение мы имеем и в других случаях: история текста восстанавливается на основании особенностей дошедших списков, а сами эти особенности объясняются историей текста. Но в текстологии нет различия между объяснением и восстановлением истории: созданная текстологом картина истории текста в своей конкретно представимой убедительности есть сама в себе и доказательство и доказуемый факт.

ЦЕНзуРА И АВТОЦЕНзуРА

Всякого рода изменения текста, внесенные со стороны или сделанные самим автором, но под влиянием внушения со стороны, должны внимательно изучаться и не должны механически отбрасываться. Так точно обстоит дело в произведениях XVIII–XIX вв. и с цензурной правкой, с правкой редактора, если последний берет

на себя функции цензора. Бывает так, что, после того как текст искалечен цензурным вмешательством, автор продолжает над ним работать, чтобы придать ему новый, допустимый смысл. Бывает и так, что автор меняет свой текст в предвидении и опасении цензурного вмешательства или меняет свой текст под давлением требований лиц, власть имущих, в угоду коммерческим соображениям, выгоде гонорара и пр. Во всех этих случаях текстолог должен внимательно изучать историю текста по содержанию и по художественной форме и ни в коем случае не прибегать к формальным рецептам определения авторского текста (“последняя творческая воля автора” и пр.). Давление цензуры может вызвать не только нетворческие изменения текста, но и творческие (автор может прибегнуть к “эзоповому языку”, к сложным символам, перенести действие в сказочный мир, прибегнуть к аллюзиям, переменить имена, изменить сюжет и пр.). Творчество всегда совершается в соотношении со средой, и даже неблагоприятная и враждебная среда может вызвать своеобразные формы творчества.

Следовательно, цензура и автоцензура не могут быть отнесены во всех случаях к числу внешних случайностей. В очень многих случаях они входят в историю текста, представляют собой наиболее сложные ее этапы.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СПИСКОВ

Результаты анализа отдельных чтений и разночтений не дают еще оснований для непосредственного суждения о взаимоотношении списков. Необходимо эти результаты рассмотреть в их совокупности. По большей части бывает так, что результаты анализа отдельных разночтений прямо противоположны, и это может в конечном счете свидетельствовать о сложной истории текста, о наличии недошедших списков и редакций, о перекрещивающихся взаимоотношениях списков, о сложных правах текста, о восхождениях текста дошедших списков не к одному, а к нескольким спискам и пр. Поэтому данные анализа отдельных разночтений и чтений необходимо подвергнуть новому анализу в их совокупностях, устанавливая слои разночтений и чтений. Полученные результаты необходимо постоянно проверять — нет ли противоречащих им чтений и разночтений.

Заметить текстологическую близость нескольких списков легче, чем объяснить эту близость. Большинство фактов близости может быть объяснено различно.

Особенно осторожным следует быть по отношению к количественным показателям. Если большинство списков имеет определенный состав чтений, то это не означает, что именно этот состав первоначальный. Иногда единичные чте-

ния, которые мы признаем за “индивидуальные особенности” того или иного списка, восходят к первоначальному тексту. Ведь наибольшую распространенность может получить текст вторичный, а первоначальный текст дойти до нас только в одном списке.

При установлении взаимоотношения отдельных списков не следует ограничиваться только разночтениями – важные данные могут представить состав текста, данные о рукописях, об окружении текста в составе сборников, собраний, архивов и пр.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ

Если списков много, изучение взаимоотношения их между собой должно основываться на их классификации. Классификации текстов могут быть двух типов: формальные и исторические. Формальные классификации наиболее легкие – по внешним признакам и количественным показателям. Историческая классификация основывается на данных истории текста, отражает и представляет историю текста произведения. Ясно, что первая классификация может предшествовать установлению истории текстов, но вторая может явиться только результатом изучения истории текста.

Формальная классификация делается для удобства последующего изучения. Она может в

конечном счете не совпасть с классификацией исторической. Историческая классификация отражает реальную картину движения текста и поэтому крайне важна сама по себе, демонстрирует выводы изучения текстов. Формальную классификацию всегда можно установить, так как она условна, может основываться на различных принципах по выбору исследователя. Историческую классификацию можно установить только тогда, когда ясна история текста произведения. Историческая классификация в широкой степени пользуется гипотезами, заменяя ими в необходимых случаях недостаток фактов и доказательств.

Частично первоначальная формальная классификация может оставаться внутри конечной исторической в той ее части, которая не может быть полностью восстановлена за недостатком материала.

Формальная классификация и историческая — две стадии изучения текстов: начальная и конечная.

Устанавливая формальные основания классификации, текстолог стремится выбрать такие, которые в последующем исследовании позволили бы легко перейти к исторической классификации. Поскольку формальные основания классификации условны и поэтому могут быть различными, следует стремиться предугадать уже в выборе этих формальных оснований такие, которые

будут иметь значение для построения исторической классификации.

Формальная классификация – это аналитическая стадия систематики текстов, историческая – ее синтетическая стадия.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ

Если списков произведения много или отдельные произведения имеют неустойчивые названия и близки друг другу по началам и составу (например, летописи), возникает нужда в опознавательных приметах редакции, извода, вида, группы списков произведения и пр.

Установление примет основывается на свойстве разночтений составлять более или менее устойчивые совокупности, комплексы. Из нескольких наиболее характерных и бросающихся в глаза отличительных особенностей текста данной редакции, извода, вида, группы списков произведения или самого произведения (если в том есть нужда) извлекается несколько признаков, которые и объявляются приметами текста. Примет должно быть немного (не более пяти, шести), чтобы легче запоминаться.

Иногда приметы текста удается выявить еще до окончания работы по изучению текстов, в таком случае приметы могут облегчить классификацию списков. В начале работы над памятником, когда история текста памятника еще не ясна

для исследователя, приметы носят более или менее формальный характер. Впрочем, надежнее всего те приметы, которые имеют не формальный характер, а связаны с определенными этапами в жизни памятника. Если приметы памятника, его редакции, извода, вида, группы списков не только внешне заметны, но и связаны с существенными моментами в истории возникновения данного памятника, редакции, извода, вида, группы, — тем меньше опасность, что в дальнейшем они отпадут. К тому же их легче запомнить, ассоциируя с историей памятника.

Приметы текста особенно важны в тех случаях, когда текстолог не уверен в том, что ему удалось исчерпывающе привлечь все списки: они нужны для последующего установления вновь разысканных списков. Однако и при исчерпывающем привлечении всех списков приметы текста удобны для ориентировки в обильном рукописном материале. На их основе можно будет построить различного рода "определители текстов" памятников, встречающихся во многих списках.

Текстолог — следопыт. Приметы помогают ему в опознании текстов.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СХЕМЫ (СТЕММЫ) СПИСКОВ И РЕДАКЦИЙ

Если взаимоотношения списков и редакций достигают большой сложности, полезно составить схему (стемму) генеалогических взаимоотношений списков.

Древнейшие списки помещаются обычно сверху, зависимые от них – внизу. Чтобы показать зависимость одного списка от другого, их соединяют линиями. Если зависимость устанавливается гипотетически, линии делаются пунктирными. Одновременные списки помещаются на одном уровне и обоюдосторонняя взаимозависимость (впрочем, редкая) показывается горизонтальной линией. Уровень, на котором помещен список, показывает, таким образом, время, к которому он относится (см. стр. 27).

В изображении генеалогии списков необходимо считаться с возможностью утраченных звеньев (списков, редакций, групп списков). Недошедшие звенья изображаются незаштрихованными фигурами, дошедшие – заштрихованными, или, соответственно, различными фигурами (например, недошедшие звенья – треугольниками, дошедшие – кружками).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ТЕКСТОВ

В изучении истории текста одно из самых важных доказательств правильности выводов — убедительность, ясность и полнота всей воссозданной картины истории текста. Вот почему реконструкции тех или иных утраченных звеньев истории текста играют важную роль в доказательстве правильности представлений исследователя об истории текста произведения. С помощью реконструкций текстолог делает не только наглядными и удобовоспринимаемыми свои выводы, но до известной степени проверяет их правильность.

Реконструкции нельзя смешивать с реально дошедшими до нас текстами. Работа по реконструкции — часть исследования; ее нужно отличать от подготовки текста произведения к изданию.

Реконструкция только тогда заслуживает внимания, когда она учитывает все факты, связанные с историей текста.

В реконструкции не должны смешиваться различные этапы истории текста произведения. Реконструкция воссоздает *определенный* текст, а не “лучший” текст. Поэтому в реконструкциях не должно быть простых замен “худших” чтений “лучшими”, создающими текст, который не привязывается к определенному этапу его развития.

“Частичные реконструкции”, еще недавно принятые в текстологии, не должны иметь места.

Если текстолог производит “частичную реконструкцию”, заменяет отдельные части текста, оставляя другие, которые явно не могли быть в реконструируемом тексте, он создает смешанный текст, который никогда не существовал и не мог существовать. Он фактически лишает текст его общего текстологического смысла, единой целенаправленности и цельности.

Особенно сложно восстановить в реконструкциях язык. Текстолог, восстанавливающий определенный этап в жизни памятника, должен хорошо знать язык эпохи, к которой относится реконструкция. Восстановление памятника в формах языка другой эпохи – нелепость, это значит создавать текст, который не мог существовать.

Реконструкция – задача творческая. Она требует воображения, строго подчиненного всем извлеченным из подлинных текстов данным об истории текста произведения и косвенным свидетельствам.

ДАТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ

Исследуя историю текста того или иного памятника, необходимо по возможности установить даты его списков, редакций и самого памятника. Датировать текст могут прямые указания в самой рукописи, в других произведениях того же автора, в письмах, в мемуарной литературе и пр. Если

точная датировка невозможна и прямых указаний нет, мы должны постараться установить крайние хронологические пределы, между которыми список, редакция текста или первоначальный текст памятника были составлены. Границы времени должны указывать: когда всего ранее (*terminus post quem*) и когда всего позднее (*terminus ante quem*) был составлен текст.

Все датировки между собой тесно связаны. От установления дат списков зависят даты редакций, от тех и других — установление даты или крайних хронологических пределов написания произведения. При обнаружении даты в списке необходимо иметь в виду, что дата могла быть внесена не в дошедший список, а в один из предшествующих недошедших списков.

Если список не датирован, вопрос о его дате решается на основании палеографических данных: данных бумажных знаков, характера почерка и т.п.

Косвенные данные для датировки извлекаются из упоминаний исторических событий и биографических обстоятельств, хронологических выкладок и отсчетов до "настоящего времени", из указаний на тех или иных лиц, как на живых или мертвых, даты рождения и смерти которых известны, из соотношений с другими произведениями (ссылки на эти произведения, следы их влияния и влияния на них изучаемого текста и т.п.), из указаний на даты празднования переход-

ных праздников (например, совпадение с воскресением какого-либо числа месяца), из данных языка и орфографии, если памятник может быть датирован только в пределах крупного периода времени. Датирующим признаком может быть та или иная официальная терминология, время появления которой известно, “мода” на то или иное слово. Датирующими признаками могут быть также упоминания имен святых, время канонизации которых известно. В произведениях нового времени существенна дата первой публикации.

Датируя то или иное произведение, надо иметь в виду, что один основательный аргумент стоит любого числа малоосновательных.

Датируя текст, всегда необходимо учитывать по возможности полную его историю, даты и взаимоотношения его редакций, видов, списков. Вопрос о дате произведения – это вопрос о целом круге проблем; это вопрос комплексный.

Необходимо искать не только признаки даты, но и стремиться извлечь из памятника все, что могло бы противоречить предполагаемой дате. Одно противоречие отменяет самую хитроумную датировку.

В конечном счете датировка находит себе подтверждение во всей истории текста памятника.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МЕСТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕКСТОВ

Для памятников древних и средневековых при невозможности установить их автора имеет существенное значение происхождение памятника, редакции или извода из той или иной местности.

Для определения местного происхождения текста, если на это нет прямых указаний, могут иметь значение косвенные признаки: осведомленность составителя текста в мелких местных событиях, хорошее знание им своего города или своей местности, местные тенденции (например, прославление местночтимых святых или местных чиновников), точные даты местных событий, называние местных жителей "нашими", ошибки, при которых названия города, имена исторических лиц опознаются за принадлежащие своей местности, за те, которые ближе и более знакомы составителю текста. Существенное значение имеет сравнение "чужих" явлений со своими, местными (например, игумен Даниил сравнивает Иордан со своей речкой Сновью). Определению местного характера того или иного памятника помогает изучение его политических тенденций и связей их с местными партийными интересами.

О местном происхождении памятника может свидетельствовать сама рукописная традиция

(памятник в течение ряда генераций списков связан с той или иной местностью или переписывается в составе местных произведений, находится в местных собраниях рукописей и пр.). Большую роль играет выявление диалектизмов (фонетических, морфологических, лексических); эта работа по выявлению диалектизмов сложнее, чем кажется с первого взгляда, и требует специальных лингвистических знаний.

Вопрос о местном происхождении текста связывается с целым рядом других: с вопросом о его политических тенденциях, с вопросом о близости его к другим произведениям той же местной литературы, с вопросом о близости автора к тому или иному местному политическому деятелю и о местных особенностях классовой борьбы.

И в вопросе о местном происхождении того или иного памятника ясно выступает основное текстологическое правило: не ограничиваться внешними признаками, а детально и конкретно видеть за историей текста историю людей, имевших к этому тексту отношение.

АТРИБУЦИЯ И АТЕТЕЗА

Атрибуция – установление автора произведения. Атете́за – отведение того или иного автора от ложно приписываемого ему произведения.

Необходимость в атрибуции и атетезе очень часта в новой литературе, но особенно сильная

нужда в них возникает в исследованиях средневековой и древней литературы, где авторство отмечалось значительно реже, чем в новое время.

Атрибутируя то или иное произведение, исследователь должен быть уверен, что произведение составляет единое целое. Не только в средневековой литературе произведение может составлять часть другого, может принадлежать нескольким авторам, быть результатом механического или органического соединения нескольких других произведений. Кроме того, произведение может представлять собой переделку другого произведения, быть редакторской переработкой какого-либо произведения, иногда при этом тенденциозной. Фальсификатор может ограничиться добавлением имени псевдоавтора, перенести произведение путем соответствующей переделки в другую эпоху и пр. И в данном случае история текста произведения должна приниматься в расчет исследователем. В очень многих случаях исследователь обязан не только установить авторство того или иного произведения, но и раскрыть – в чем это авторство заключалось (например, был ли Ермолай-Еразм автором Повести о Петре и Февронии Муромских, самостоятельно создавшим сюжет и все повествование, или он только переработал предшествующее произведение, и в чем заключалась эта переработка).

Приписывая произведение тому или иному автору, необходимо иметь в виду, что имеются

авторы-однофамильцы или носящие одно и то же имя. Переписчики имеют склонность “раскрывать” имя добавлением фамилии, прозвища или определения его положения, происхождения, рода занятий, заменяя малоизвестного автора на более им известного.

Если работа по атрибуции уже проделана другим текстологом, полезно иметь в виду некоторые общие тенденции, свойственные многим работам по атрибуции. Чаще всего произведение атрибутируется какому-либо известному автору. В этом сказывается “тенденция” исследователя. В результате мы очень часто имеем стремление к ограничению авторов той или иной эпохи несколькими крупными именами.

В тех случаях, когда точно определить автора невозможно, большое значение имеет ограничение круга лиц, к которым мог принадлежать автор, например установить принадлежность автора к той или иной среде, профессии. Такая атрибуция называется частичной.

В целом полную атрибуцию или атетезу может дать выяснение всей истории текста произведения. То и другое – лишь часть истории текста. Однако, если история текста произведения не может быть выяснена полностью из-за недостатка материала или если по тем или иным причинам текстолог ограничен в своих исследованиях, – атрибуция и атетеза становятся самостоятельными задачами текстолога.

Доказательства принадлежности произведения тому или иному автору могут быть документальные и косвенные – извлекаемые из содержания, стиля и языка произведения. Для того чтобы определить автора произведения или для того чтобы отвергнуть то или иное традиционно приписываемое авторство, недостаточно какого-либо одного рода доказательств: документальных свидетельств или доказательств, извлекаемых из содержания, стиля, языка произведения. Существенное значение в определении авторства следует придавать совпадению показаний разнородного характера: например, совпадению показаний анализа почерка, языка, стиля, косвенных указаний в документах эпохи и извлекаемых из самого произведения. Мы можем сравнить атрибуцию по разнородным признакам с определением точки в пространстве по двум или трем координатам.

Документальные свидетельства могут быть следующие: традиция, приписывающая произведение тому или иному автору, письменные заявления самого автора, подпись под произведением, списки своих произведений, составленные автором, включение произведения в прижизненные издания сочинений, указания на авторство в оглавлениях журналов, сборников (сводных – за год или за несколько лет – и в отдельных номерах), данные в указателях, гонорарные ведомости, свидетельства современников в воспоминаниях,

письмах, дневниках, указания в произведениях того же автора или его современников и т.д. Все эти указания, впрочем, могут быть и ложными. Следовательно, должен быть принят во внимание не только документ сам по себе, но и “история текста” данного документа. Необходима уверенность, что указание документа правдиво или по крайней мере что документ не было оснований фальсифицировать.

Анализируя документальные свидетельства, необходимо особенно тщательно проверять, что имеется в виду в документе под понятием авторства. Авторский гонорар может быть присвоен переделывателю произведения или одному из нескольких авторов. При определении редактора надо иметь в виду, что в документе под редактором может разумеаться почетный редактор или ответственный редактор, фактически не принимавший участия в редактировании произведения, и пр.

Другие основания для атрибуции могут быть извлечены из анализа идейного содержания произведения, стиля и языка.

Идейный анализ произведения ни в коем случае не может ограничиваться лишь главными, основными мыслями произведения. Идеи произведения могут быть общими для многих авторов и быть обусловлены их классовыми, сословными, профессиональными, партийными позициями. Их могут разделять все лица, принадлежащие к

данному классу, сословию, профессии, партии и т.д. Гораздо показательнее второстепенные детали их идеологии, нюансы мысли, оттенки рассуждения, индивидуальные способы доказательств, излюбленные примеры.

При атрибуции и особенно при атетезе по идейным признакам необходимо иметь в виду, что взгляды автора могут изменяться и, наконец, что автор может быть непоследователен в своих суждениях. Последнее встречается как в новой, так и в древней литературе (античной и средневековой). Есть авторы, которые никогда не повторяли самих себя (например, Платон), и тогда сходство произведения с другими, приписываемыми тому же автору, может служить скорее в пользу атетезы, чем в пользу атрибуции. Характер творчества автора должен приниматься в расчет во всех случаях атрибуции и атетезы.

Язык может быть показателем национальности автора, его происхождения из той или иной местности, имеющей свои диалектные особенности, его социального происхождения и социального положения, его осведомленности в той или иной области (например, пользование научной или технической терминологией), его профессиональной принадлежности (например, автор живописец употребляет некоторые специфические для его профессии термины и выражения). Атрибутируя по признакам языка и стиля, исследователь обычно составляет список характеристиче-

ских “речевых примет”. Составляя этот список, необходимо исторически и филологически его обосновать. Анализ языка способен показать знакомство автора с иностранными языками. Если исследуется переводное произведение — язык особенно показателен, так как он может указать и на тот язык, с которого делался перевод. При анализе языка необходимо остерегаться приписать автору особенности, внесенные в текст редактором и переписчиками.

При стилистическом анализе необходимо иметь в виду, что стиль автора может меняться в зависимости от жанра произведения, от обстоятельств его создания. С большой осторожностью необходимо пользоваться анализом стиля в случае наличия вымышленного рассказчика. В этом случае, как, впрочем, отчасти и в остальных, второстепенные особенности стиля могут оказаться более показательными, чем первостепенные, невольные — более показательными, чем сознательные, и пр.

Так или иначе нельзя основываться только на одном каком-либо типе доказательств (анализе содержания отдельно от анализа стиля или языка). Главные доказательства могут быть извлечены из какой-либо одной категории явлений, но все остальные явления, в которых могут быть обнаружены признаки авторства, также должны быть привлечены, хотя бы в качестве контрольных. Исследователь должен доказать, что все

сведения по истории текста произведения не противоречат его выводу.

Из изложенного ясно, что атрибуция произведения в целом производится на основе выяснения по возможности всей истории текста. Она по возможности должна опираться на целый комплекс наблюдений. Чем шире и разнообразнее этот комплекс, тем основательнее произведенная атрибуция. Атрибуция – это особый угол зрения на историю текста произведения, при котором текстолога интересует только вопрос об авторстве. Под этим углом зрения исследователь отбирает из истории текста главное, отодвигая на второй план все то, что не может способствовать выяснению авторства. Однако “главное” при атрибуции совсем не то, что главное в историко-литературном исследовании.

“Официальные” данные об авторе произведения в названии произведения иногда менее достоверны, чем неофициальные. Косвенные указания более бесспорны, чем прямые; преднамеренные указания менее достоверны, чем непреднамеренные и, казалось бы, “случайные”; явления языка дают больше иногда, чем явления стиля, и т.п. Одним словом, очень часто второстепенное оказывается для атрибуции первостепенным, а первостепенное – второстепенным.

Атрибуция имеет свой выбор фактов.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДДЕЛОК

Подделками называются памятники, в которых намеренно прямо или косвенно неправильно указывается автор или время и место их создания.

Подделки могут представлять интерес исторический и литературный, как показатели идейной борьбы (с еретиками, с инакомыслящими), коммерческих интересов или литературных вкусов их создателей (подделки ради продажи коллекционерам), как показатели притязаний отдельных лиц или партий, как показатели определенного общественного “спроса” (например, подделки памятников национальной старины в первой половине XIX в.).

Различаются подделки полные и частичные. В частичных подделках меняется не весь текст и иногда даже не рукопись, а вносится лишь ложная подпись, дата, указание на место создания или какие-нибудь косвенные указания с целью дать ложные представления о памятнике, о его авторе, времени и месте создания.

Установление подделки – частный факт изучения ее истории текста.

Лишь в тех случаях, когда исследователя интересует установление самого факта подлинности или поддельности, исследователь может отказаться от полного изучения истории текста поддельного памятника. Но и в этом случае для точного обоснования факта подделки некоторые

элементы истории текста памятника должны быть по возможности изучены: необходимо знать кто, когда и при каких обстоятельствах подделал памятник, цели подделки (коммерческие, идейные, озорство и пр.). Обязательно также указать "возможности" поддельщика: знание им языка, на котором написан подделываемый памятник, источники знания тех фактов, которые имеются в подделке, владение литературной манерой памятника и пр.

Изучение сравнительно просто, если поддельщик известное лицо, знания и способности которого в пределах подделки не вызывают сомнений, или если содержание и форма поддельного памятника достаточно примитивны для своего времени (времени подделки). Гораздо более ответственные и широкие задачи стоят перед текстологом, если подделка незаурядна в литературном и историческом отношении: здесь перед исследователем стоит задача полного изучения истории текста памятника.

В случаях несложной подделки памятника необходимо в первую очередь изучить рукопись палеографически (если поддельщик объявляет рукопись пропавшей, надо поискать следов палеографии памятника в предъявленной копии), затем изучается соответствие языка и стиля эпохе и указанным обстоятельствам создания памятника, изучается соответствие его документной или литературной формы памятникам эпохи, изу-

чается соответствие содержания действительно-сти и пр.

Широкие филологические познания исследователя здесь особенно важны. Исследователь должен всесторонне знать и ту эпоху, на которую претендует подделка (чтобы доказать несоответствие ей памятника), и ту эпоху, к которой в действительности относится памятник (чтобы определить соответствие ей памятника, цели и значение подделки и пр.).

Принципиально изучение истории текста подделки и установление самого факта поддельности не отличается от изучения текста “подлинного” произведения и установления обстоятельств его создания.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОДРАЖАНИЙ

Подражание – произведение, воспроизводящее форму, стиль, манеру какого-либо образца.

Ряд общих черт, свойственных всем подражаниям, должен быть принят во внимание. Подражание связано с приспособлением формы оригинала к новому содержанию. При этом приспособлении старой формы к новому содержанию происходят однородные для подражаний явления деформации и упрощения формы.

Подражатель способен воспроизвести в своем произведении только те элементы формы оригинала, которые им восприняты, осознаны как при-

сущие оригиналу. Следовательно, форма оригинала невольно сужается подражателем. Стилистические признаки оригинала в подражании представлены в той или иной степени беднее. В ряде случаев значение отдельных элементов формы оригинала в подражании оказывается непонятым и искаженным. Сложные образы, особенно тесно связанные с содержанием оригинала, либо не переходят в подражание, либо упрощаются, теряют глубину и многозначность. В результате связь формы и содержания в подражании менее органична, чем в оригинале, выражена слабее.

Подражатель обычно воспроизводит в своем произведении известный доступный ему круг стилистических приемов. Вряд ли можно думать, что он заметит все стилистические обороты своего оригинала. Поэтому подражание будет беднее стилистическими оборотами, чем оригинал. В оригинале всегда остается нечто, не учтенное подражателем, но тесно связанное со стилистическим единством произведения.

Если язык претерпел изменения ко времени, когда создано подражание, эти изменения (в лексике, морфологии, синтаксисе) могут оказаться также не учтенными подражателем.

Естественно, что при установлении факта подражания исследователь должен заметить особенности содержания, стиля и языка обоих произведений зорче, чем это сделал в свое время подражатель.

Специфическая ограниченность формальных средств подражания вынуждает подражателя в известной степени ограничивать и содержание своего подражания. Подражатель вынужден ограничивать содержание такими его элементами, которые могут быть выражены средствами оригинала (вернее теми из них, которыми подражатель пользуется). Следовательно, в подражании сравнительно с оригиналом ограничена не только свобода формы, но в некоторой степени (хотя и в меньшей) и свобода содержания. Вот почему подражание почти всегда меньше по своим размерам, чем оригинал.

Если подражание отделено от оригинального произведения существенным промежутком времени, оригинальное произведение будет лучше отражать идеи эпохи, будет содержательнее, теснее связано своим замыслом с идейной борьбой своего времени.

Подражание от оригинала можно отличить и по ряду других признаков. Подражатель невольно может воспроизвести в своем произведении такие элементы оригинала, которые тесно связаны с исторической действительностью оригинала и не имеют реального смысла в подражании (в “Слове о полку Игореве” Днепр пробивает “каменные горы” – имеются в виду днепровские пороги; в “Задонщине” уже Дон пробивает каменные горы, которых на самом деле на Дону нет).

Иногда оригинал и подражание текстологически связаны с другими произведениями: тогда отличить подражание от оригинала можно, выяснив взаимоотношение всех взаимосвязанных произведений. Так, например, "Слово о полку Игореве" имеет ряд общих элементов с рассказом Ипатьевской летописи в том же походе Игоря; эти же общие для этих двух произведений элементы встречаются и в "Задонщине", посвященной совсем другому сюжету. Следовательно, "Задонщина" заимствовала их из "Слова", а не наоборот; иначе останется необъяснимым наличие их же в рассказе Ипатьевской летописи.

На примере изучения подражаний видно, что текстолог не может ограничиваться только изучаемым произведением. История текста памятника всегда связана с другими текстами той же эпохи и требует привлечения данных поэтики и историко-литературных в целом. Текстолог должен быть историком литературы и художественным критиком, уметь отличать лучшее в художественном отношении произведение от худшего.

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДОВ

При изучении переводов очень ограничены возможности использования содержания для установления истории текста. Ограничены и специфичны возможности изучения стиля. Огромное значение имеет изучение языка перевода,

дающего ряд ценных указаний на время, место и характер перевода. Судьба перевода осложняется возможностями дополнительных правок (редактором, переводчиком в новых изданиях) по оригиналу, с которого сделан перевод. Наконец, самое главное, изучение текста переводного произведения сопровождается исследованием его соотношения с иноязычным оригиналом и определением этого оригинала.

Исследователь, открывающий новый памятник, автор которого не известен, должен прежде всего определить: переводный это памятник или оригинальный. Если содержание произведения не позволяет дать на это определенный ответ, необходимо искать признаки перевода в самом языке памятника. Перевод могут выдать отдельные синтаксические обороты, которые могут быть объяснены языком оригинала, оставшиеся неперевоенными отдельные слова, кальки с языка оригинала, характер написания имен и названий и специфические ошибки, проистекающие от того, что переводчик не понял язык оригинала. Впрочем, иностранные слова и обороты могут быть общеязыковыми заимствованиями или проникнуть в произведение через живое общение автора с иноземным населением и их языком (ср. чужеземные слова и обороты в литературе иммигрантов).

Косвенные показания для определения времени перевода могут быть следующие: цитирова-

ние данного перевода в каком-либо датированном памятнике, включение его в состав датированной компиляции, сборника или журнала, использование в переводе других, датированных переводов. Перевод не может быть сделан раньше, чем написан оригинал, и поэтому анализ содержания перевода может подсказать крайнюю дату появления перевода. Язык перевода, отдельные слова, появление которых датировано в истории языка, могут также подсказать время перевода.

Если установлено время перевода и язык, с которого он сделан, — нахождение оригинала может быть произведено с помощью справочных изданий разного рода. Важно, однако, установить, с какой редакции текста или с какого издания сделан перевод. Здесь без текстологической истории оригинала, послужившего для перевода, дело обойтись не может. Если история текста оригинала не выяснена, — изучить ее хотя бы в той мере, в какой это необходимо для установления вида оригинала, послужившего основой для перевода, обязанность исследователя перевода.

В некоторых случаях, особенно когда перевод сделан с рукописи, удастся установить не только редакцию оригинала, но и самый экземпляр, с которого делался перевод.

Нередко перевод, сделанный по одной редакции текста, в дальнейшем правился по другой ре-

дакции. Иногда перевод делался вторично и при этом исправлялся по первому переводу.

Текстологу необходимо, кроме того, иметь в виду, что оригинал может помочь установить первоначальные чтения в переводе, а с другой стороны, перевод может указать на такие особенности текста оригинала, которые в дошедших до нас рукописях оригинала отсутствуют. Перевод может, например, помочь определить пропуски и вставки в оригинале, восстановить правильный порядок текста оригинала и пр.

Существен и вопрос о том, как устанавливается личность переводчика. Здесь решающую роль должны играть отдельные детали языка и стиля перевода, а также общие для всех переводов данного переводчика ошибки, объясняемые строго определенными дефектами в знании языка оригинала.

История текста переводов так же длительна, как и жизнь оригинальных произведений, но она еще более сложна, поскольку в ней, кроме обычной жизни текста, особую роль играет соотношение с тем иноязычным текстом, с которого перевод сделан.

При изучении переводов следует также не забывать об одном из самых продуктивных текстологических правил: чем нелепее и непонятнее с первого взгляда кажется деталь, тем показательнее она может оказаться для истории текста произведения.

КОМПЛЕКСНОСТЬ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТЕКСТА

Каждое чтение изучается в контексте разночтений списка в их целом, разночтения произведения изучаются послойно, каждое произведение – в связи с другими произведениями того же автора, в составе сборников, периодических изданий, в составе архивов, во взаимодействии с литературой своего времени. Чем меньше изолированности, тем больше опор для восстановления истории текста произведения.

Иногда произведения переписывались в составе сборников устойчивого или более или менее устойчивого содержания. Тогда состав сборников может пролить свет на то, как понимался составителем сборника жанр произведения, его содержание. Переделки произведения составителем или переписчиком сборника могли быть однотипными для всего состава сборника. Правка соседних произведений могла отразиться и в изучаемом. Входявшие в состав сборника произведения могли специально для них перерабатываться.

Автор может готовить произведение специально для сборника, для альманаха, для журнала, для собрания сочинений. Надо изучать приемы работы автора, редактора, переписчика не только по тому произведению, которое мы исследуем, но и по остальным, над которыми они работали. Работа над этими остальными может пролить

свет на работу над интересующим нас произведением. Приемы работы того или иного лица более или менее однообразны для всех произведений, особенно в мелочах и второстепенном.

На историю рукописи может пролить свет история архива, собрания рукописей, ее включающего.

История текста изучается не только в его движении, но и в его хранении, пребывании, использовании.

Важные показания для истории текста произведения извлекаются из соседних с ним, — повлиявших на него или испытывавших его влияние. Эти произведения могут иметь датирующее значение, они могут говорить о распространенности изучаемого произведения, а главное — о состоянии текста в тот или иной момент. Цитата из недошедшей редакции произведения, из несохранившегося списка может многое подсказать опытному текстологу.

Особенно важно изучать взаимодействия с другими произведениями в средневековых литературах, где заимствования из произведений предшественников являлись системой работы.

Все, что мы знаем о повлиявшем произведении или о том, что представляла собой повлиявшая редакция, может пригодиться при изучении памятника, на который это влияние было оказано.

Ни один памятник не существует в одиночестве. Памятники “социальны”.

ЗАМЫСЕЛ И ВОЛЯ АВТОРА

Мы рассматривали выше элементы движения текста, постоянно соотнося их с содержанием текста. История текста не есть история его внешних, случайных изменений. Основное, с чем должна считаться текстология, — это с замыслами и намерениями творцов текста (под творцами текста разумею всех, кто создает текст, — не только его авторов, но и редакторов — составителей редакций текста). Эти замыслы и намерения в конечном счете должны объясняться историей литературы и историей всего общества, но на известном этапе именно раскрытие этих замыслов является центральной и наиболее сложной задачей текстологии.

В произведении воплощается замысел. Но замысел не существует в готовом и вполне законченном виде еще до написания произведения. Он меняется по мере своего воплощения в тексте. Об этом свидетельствуют черновики и корректуры автора. Замысел, по мере своего воплощения, начинает оказывать обратное воздействие на автора, вводит его в свою внутреннюю логику. Автор в процессе воплощения своего замысла начинает видеть его недостатки и достоинства. Процесс воплощения замысла есть процесс совершенствования и роста замысла. Но и после того как произведение напечатано (в данном случае я говорю о произведениях нового времени),

автор может продолжать над ним работать, готовить для новых изданий. Иногда последние главы большого законченного произведения кое в чем противоречат первым. Эти противоречия рождаются в процессе работы, а иногда в процессе переработок уже законченного произведения, когда интенсивный творческий процесс закончился и автор забыл многие детали своего произведения и не представляет себе замысла с такой отчетливостью, как раньше. В этих случаях могут появляться не только отдельные внутренние несоответствия, но нарушаться выдержанность языка и стиля.

Замысел развивается – соответственно меняет свое направление и авторская воля. Необходимо изучать изменения и развитие замысла и соответствующие изменения авторской воли.

Воля автора не статична, а динамична. Она может быть доведена автором до конца и может быть не доведена. Автор очень часто не успевает или не хочет завершить свой замысел. Текст остается незаконченным. Кроме того, он может упорно работать над своим произведением уже после его издания. В некоторых случаях он может письменно или устно заявить о полной завершенности своего произведения в определенной рукописи или издании. Перемены воли автора могут быть творческими и нетворческими: автор может внести изменения, явно ухудшающие текст, в связи с опасением цензуры, требова-

ниями администрации (см. выше, стр. 72), техническими условиями издательства, уступая критике, компетентным и некомпетентным советам друзей и пр. С течением времени и с переменой художественных и идейных убеждений автора у последнего может понизиться интерес к собственному произведению, и он может передоверить его исправление, правку корректуры и пр.

Соответственно авторская воля проявляется с большей или меньшей степенью интенсивности. Автор может прямо заявить об окончательном воплощении своего замысла в том или ином тексте, но может и не заявить, мы можем только догадываться о его воле, предполагая ее воплощенной в последнем прижизненном тексте произведения. Мы имеем также многочисленные случаи недовольства автора своим произведением — редко полным недовольством, а в большинстве случаев частичным (в результате изменений мировоззрения, интересов, художественных вкусов, появления новых навыков работы и новых творческих замыслов и пр.). Известно, что Т. Тассо хотел новым своим произведением уничтожить все, что он написал раньше.

В некоторых случаях автор не нашел времени достаточно упорно поработать над произведением. Произведение часто остается незаконченным или с неряшливо выправленным текстом. В таких случаях особенно трудно говорить о проявлении авторской воли в том или ином тексте.

Особенно осторожным следует быть в случае санкционирования автором для издания того или иного уже готового текста. Известно, что “Вертер” был многократно и неряшливо издан при жизни Гёте, но без контроля с его стороны. Затем Гёте избрал для основного текста одно из самых ошибочных изданий. Когда ему на это указали, он с этим согласился и отказался от этого издания.

Воля автора, как и замысел произведения, — явления крайне сложные и неустойчивые и до сих пор в самой сущности своей почти не изученные. Во всяком случае, к вопросу об авторской воле текстолог должен подходить не как юрист и не рассматривать “последнюю волю” с правовой точки зрения. Нельзя в работе над авторскими текстами произведения ограничиваться формальным выявлением последней творческой воли автора. Замысел и воля автора в воплощении этого замысла должны подробнейшим образом изучаться текстологом во всей их сложности и в их меняющихся отношениях к текстам. Разумеется, это относится и к замыслам, и к воле средневековых и древних редакторов произведений.

Текстолог, изучая историю замысла произведения и историю воли автора, не может быть только бесстрастным регистратором. Он должен оценивать их с точки зрения художественной и идейной.

